

0312

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Марион Леннокс
**ВСЕГО ЛИШЬ
КАПРИЗ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Марион Леннокс

Всего лишь каприз

«Центрполиграф»

2011

Леннокс М.

Всего лишь каприз / М. Леннокс — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-04303-0

Поссорившись со своим парнем, Никки Моррисси в сердцах уехала из Сиднея в рыбацкую деревушку. Сняв полдома у немногословного и угрюмого Гейба Карвера, она решила провести здесь какое-то время, чтобы прийти в себя и все обдумать. Вскоре Никки с удивлением обнаружила – ее уже не тянет к прежней жизни в большом городе, зато все больше интересуется суровый рыбак...

ISBN 978-5-227-04303-0

© Леннокс М., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Леннокс Марион

Всего лишь каприз

Роман

Глава 1

Протяжный волчий вой звучал где-то совсем рядом. Никки почувствовала, как от страха на макушке зашевелились волосы. Такого ужасного, полного отчаяния звука она еще никогда в жизни не слышала...

Никки осторожно поставила фарфоровый чайник на кофейный столик, умудрившись не разлить содержимое. Теперь она была деревенской девушкой. А деревенских девушек волки не пугают!

Или пугают?...

Она попыталась мыслить логически. В Банксия-Бэй, на северном побережье Нового Южного Уэльса, волки не водятся. Может, это дикая собака динго? Но хозяин дома не упоминал ни о каких динго.

«Он бы и не стал этого делать», – подумала она с иронией.

Гейб Карвер был на редкость молчаливым человеком. Он говорил отрывистыми немногосложными словами. «Здесь подпись. Аренда с первого вторника этого месяца. Есть проблема – поможет Джо с причала. Он мастер на все руки. Добро пожаловать в Банксия-Бэй».

Даже само его приветствие прозвучало не слишком радушно. Интересно, он сейчас дома?

Она взглядела в темноту за окном и очень обрадовалась, обнаружив свет в соседнем окошке. Никки поселилась в старом доме на мысе, расположенном на окраине городка. Три комнаты были изолированы от остальной части здания и оснащены небольшой кухней – они и стали ее новой прелестной квартирой.

Хозяин, который сдавал ей жилье, пользовался тем же входом в дом, его половина находилась прямо за стеной. И каким бы молчаливым хозяин ни был, мысль о том, что он сейчас дома, действовала успокаивающе. Огромный рыбак производил впечатление сильного, могучего и умелого мужчины.

Если вдруг волк войдет к ним...

Полное безумие! Никто и не собирался входить в дом. Дверь надежно заперта, к тому же здесь не могло быть волка. Наверное, это...

И снова в ночной тишине зазвучал протяжный, низкий, полный отчаяния вой.

Отчаяния? Что животное может знать об отчаянии? Это просто собака, воющая на луну.

Никки снова посмотрела в темноту, затем плотно задернула шторы. Может, все-таки забаррикадировать дверь и пойти спать?

Опять вой. Боль. Одиночество...

«Отойди от окна, Никкита, – сказала она себе, – это никак тебя не касается. Это всего лишь странные деревенские штучки, к которым надо привыкнуть».

– Я – деревенская девушка, – громко сказала она и тут же поправила себя: – О нет! Ты не деревенская девушка. Ты – городская девушка, которая переехала в Банксия-Бэй три недели назад. Ты сбегала сюда, когда мерзавец босс разбил твое сердце. С твоей стороны это был глупый, иррациональный поступок. И ты ничего не знаешь о жизни в деревне.

Но хозяин дома рядом. Он должен был услышать вой. Конечно, он справится с ситуацией сам или позвонит Джо.

Вой снова наполнил ночь, отзываясь эхом в каждом уголке большого старого дома. Очевидно, там была собака, попавшая в беду.

Но это не его проблема. Вовсе нет!

Снова раздался вой, леденящий кровь, крик, призывающий на помощь. Если бы Джемма была с ним, она бы непременно отправилась посмотреть, что там происходит. Гейб очень сильно скучал по Джемме, с ее уходом он словно потерял часть себя...

Он сидел в кресле у камина. Все было как всегда, только место около его ног пустовало...

Он нашел Джемму шестнадцать лет назад. Это была тощая-претощая, вся в клочьях шерсти молоденькая колли. Она как раз собиралась съесть сгнившую на берегу рыбу. Гейб с осторожностью взял ее на руки, опасаясь, что голодный щенок начнет кусаться и царапаться, но собака повернула к нему морду и лизнула в лицо.

Вой вновь пронзил его слух. Гейб не мог больше игнорировать этот звук.

Он вздохнул, отложил в сторону книгу. Натянул потертую зюйдвестку, которая для бывшего моряка словно вторая кожа. Надел ботинки и направился к выходу.

В любом случае сидение у камина не очень важное занятие. После того как его бросила жена, Гейб принял бесповоротное решение жить в одиночестве. Эмоциональная связь привела его к краху. Но это не означало, что ему нравилась одинокая жизнь затворника. Когда с ним жила Джемма, все было в порядке.

Но теперь все изменилось вновь.

Ее шелковая пижама, аккуратно сложенная на лоскутном розовом одеяле, словно ждала, когда, наконец, хозяйка облачится в нее и нырнет в свою новую односпальную постель.

Но Никки не могла справиться со своими чувствами.

Может быть, она и не деревенская девушка, но зато хорошо понимает: воющая собака в беде. Хозяин дома живет рядом, и он вполне может все уладить. Но собирался ли он это делать?

В первый день, когда Никки въехала в дом, ей доставляли беспокойство трубы в старомодной ванной, которые издавали булькающие звуки. Ее ванная комната была очень просторной, сама ванна – просто огромной, а сантехника выглядела так, словно попала сюда из девятнадцатого века. И булькающий звук, который издавали трубы, заставлял Никки думать о том, что она совсем не хочет пользоваться своей ванной.

Гейб был на улице. Увидев, как он рубит дрова, Никки слегка замешкалась, смущенная представшим перед ней зрелищем. Голый по пояс, ее хозяин выглядел просто потрясающе! Она почувствовала себя совершеннейшей идиоткой, поддавшейся гормональному всплеску. Призвав всю свою смелость, Никки приблизилась к нему, чувствуя себя как Оливер Твист, просивший добавки овсяной каши.

– Сэр, вы не могли бы починить канализационные трубы в моей ванной?

– Обратитесь к Джо, – пробормотал он и поспешил удалиться.

Это происшествие выбило Никки из колеи на несколько дней.

Она чувствовала себя обиженной. Сначала она пыталась игнорировать бульканье, принимала душ вместо ванны и, наконец, отправилась на поиски Джо.

Джо оказался пожилым рыбаком на пенсии, живущим на полуразвалившейся шхуне. Он пообещал, что придет днем и починит трубы.

Пока Джо простукивал своим гаечным ключом, а она объясняла ему проблему, мимо них проплыло белое рыболовецкое судно, огромное, недавно покрашенное и ярко светящееся. На палубе стояли огромные плетеные корзины для ловли рыбы. Надстройка над судном была оборудована множеством фонарей, которые, как рассказал ей Джо, служили для привлечения кальмаров.

За штурвалом стоял ее домовладелец.

И опять его вид привел Никки в замешательство. Высокий, статный, загорелый, мощный...

– Ему удастся абсолютно все, – сказал Джо, проводив взглядом Гейба. – Некоторые ребята здесь занимаются исключительно ловлей кальмаров. Или раков. Или тунца. Но когда улов у них меньше чем обычно или продажи идут не так хорошо, они сразу оказываются в убытке. Я посвятил рыбной ловле всю жизнь и часто видел, как люди в одночасье становятся банкротами. Гейб же выкупает их предприятия и снова ставит на ноги. Он уезжал ненадолго, но потом вернулся, когда дела здесь пошли плохо. И снова выручил нас всех. Шесть рыболовецких судов принадлежат ему.

Он покупал рыболовецкие суда рыбаков, оказавшихся на грани банкротства? Делал деньги на несчастьях других? Пожалуй, стоит поискать другой объект для своих сексуальных фантазий. И побыстрее!

– Наверное, его не слишком здесь любят, – предположила Никки, но Джо посмотрел на нее, как на сумасшедшую.

– Вы смеетесь? Если бы у нас не было Гейба, наше рыболовное хозяйство совсем бы развалилось. Он выкупает долги судовладельцев, предлагая им честную цену, а затем нанимает их, чтобы те имели возможность продолжать зарабатывать деньги. Сейчас у него работает около тридцати мужчин и женщин. Все они ведут гораздо более достойную жизнь, чем у них была раньше, когда они работали на себя. Все рыбаки ему очень благодарны. Но он никого не подпускает к себе близко. Ему не нужна благодарность. Он не желает ее выслушивать. И лишь однажды он нарушил свое правило – когда женился. Совершил большую ошибку.

Джо замолчал, наблюдая за тем, как Гейб мастерски пришвартовал судно на свободном месте у причала.

– Его собака недавно умерла, – медленно и задумчиво сказал Джо, – я... мы никогда не видели их друг без друга. – Он прервался и покачал головой. – Ну, так что там насчет труб?

Это произошло две недели назад.

Очередное завывание вернуло мысли Никки к настоящему. Собака в беде.

А что, если ее домовладельца нет дома? Что, если он оставил в комнате свет, а сам ушел по делам?

Собаке нужна помощь. Но это не ее проблема. Нет. Нет! И еще раз нет.

Она закрыла глаза.

Опять вой...

Никки натянула джинсы. Куда делся фонарик?

* * *

Берег у мыса был покрыт густым кустарником практически до самой воды. Гейб ловко преодолел неосвещенный отрезок пути, ведущий к воде. Он прожил здесь фактически всю жизнь и отлично знал каждую веточку на своем пути. Ему не нужен был фонарь. В лунном свете фонарь только мешал видеть общую картину.

Выйдя из кустов, он посмотрел на море. Вой шел оттуда.

Огромная собака, худая, истощенная. Она стояла на мелководье и выла так, словно с ней произошло самое ужасное.

Гейб спокойно шагнул вперед, не желая привлекать ее внимание, делая вид, что просто прогуливается по пляжу и даже не собирается замечать собаку. Но та его увидела. Перестав выть, она попятилась назад, еще глубже в воду. Пес явно напуган. Волкодав? Скорее помесь волкодава с кем-то. Черная, косматая и очень одинокая собака...

– Все в порядке. – Гейб все еще стоял на расстоянии от нее. – Эй, парень, все нормально! Может, объяснишь мне, в чем дело?

Собака замерла.

Она была огромная. И невероятно тощая. И очень, очень мокрая...

Может, выпала из лодки?

Внезапно он вспомнил про Джемму, которую нашел на берегу шестнадцать лет назад. Джемму, которая разбила его сердце...

Этот пес не имеет к нему никакого отношения. Он не сможет заменить ему Джемму. Но и оставить его здесь он тоже не мог. А удастся ли затащить его вверх на холм? Если бы ему удалось погрузить собаку в грузовик, он отвез бы ее к Генриетте, которая заведовала муниципальным приютом для бездомных животных.

И на этом бы все закончилось. Собаки умеют разбивать сердца почти так же жестоко, как и люди...

– Я не причиню тебе зла.

Надо было захватить с собой кусок говядины, чтобы расположить к себе животное.

– Хочешь пойти со мной в дом? Я накормлю тебя. Что скажешь, парень?

Собака отодвинулась еще дальше в воду. По какой-то, известной только ему самому, причине пес не нуждался в компании. Он смотрел на Гейба с выражением дикого ужаса.

Нужен кусок мяса. Без него никак не приманить собаку.

– Оставайся на месте, – сказал Гейб псу. – Не пройдет и пары минут, как я вернусь к тебе с ужином. Ты любишь ромштексы?

Собака была уже довольно глубоко в воде.

Совершал ли Гейб очередную глупость или поступал разумно?

На пляже была собака. Дом Гейба стоял на самом мысу, а вой доносился откуда-то снизу.

Может, все-таки стоило постучать в дверь хозяйской части дома? Джо сказал – Гейб всегда готов помочь людям. Неужели? Он наверняка слышал вой, но предпочел его проигнорировать.

Постучаться к нему? Кого стоило бояться больше: хозяина дома или собаку Баскервильей?

«Не говори глупостей. Просто постучи!» – приказала себе Никки.

И она постучала. Никто не открыл.

Снова раздался вой.

Что делать теперь? Позвонить в полицию? И что она им скажет? «Простите, пожалуйста, но на пляже воеет собака...»

От дома к пляжу вела узкая тропинка, по которой Никки спускалась всего лишь пару раз. Это была частная тропка, почти заросшая кустарником. Где же она начиналась?

Никки осветила фонарем край заросшего сада, но так и не смогла обнаружить ее следов. Похоже, ей придется лезть через заросли кустов, чтобы спуститься вниз.

Это было безумие чистой воды, к тому же довольно опасное.

Или не совсем опасное? Пляж от дома отделяли около пятидесяти ярдов кустарниковых зарослей. Кустарники были не такие уж густые, через них вполне можно пройти.

Вой буквально разрывал ее на части. Наверное, так же выла собака Баскервильей на торфяниках...

Никки внезапно почувствовала острую тоску по своей уютной квартирке в Сиднее. Вспомнила свою сладкую жизнь, от которой недавно сбежала.

«Подумаю об этом завтра», – решительно сказала она себе. А сегодня ей предстояло понять, почему раздается этот странный вой.

Широкими, размашистыми шагами Гейб спускался по тропинке. В руках он держал кусок мяса. Стейки предназначались ему самому на завтрак: каждый раз, когда он уходил в море, ему нужна была сытная еда. Но он может и поделиться.

«Не позволяй себе поддаваться эмоциям!»

«Но я и не поддаюсь эмоциям, – сказал он себе, – я собираюсь вытащить собаку из воды, накормить ее и отвезти к Генриетте. И на этом история закончится».

* * *

Было очень темно. Заросли кустарника оказались достаточно густые, а фонарь давал лишь тусклый свет.

Наверное, она сошла с ума.

Вой прекратился. Но почему?...

Наверное, она совсем потеряла голову. С нее довольно! Она возвращается домой.

Никки повернулась, раздвигая кусты, по лбу ее хлестнули жесткие ветки.

Она направлялась обратно к дому. Ничто не заставит ее больше сделать и шагу вниз по тропе!

Никки продолжала продираться сквозь заросли кустарника. Внезапно кусты расступились, и она фактически вывалилась на тропинку.

Кто-то крепко схватил ее за плечи. Она вскрикнула и попятилась.

Потом подняла кочергу и ударила.

Глава 2

Убила! Она его убила...

Сначала человек рухнул на колени, а затем упал всем телом на покрытую листвой тропинку.

У Никки хватило смелости не броситься сразу наутек, а осветить фонарем темную фигуру. Она ударила человека!

Способность рассуждать постепенно возвращалась к ней. Никки уже догадалась, кто лежал перед ней, – еще до того, как поднесла к нему фонарь, и теперь получила подтверждение собственных опасений.

Она всхлипнула. В голове кружилось одновременно столько разных мыслей, что, казалось, ее мозг был готов взорваться на мелкие части.

Она только что отправила в нокаут человека, который сдал ей дом!

Из-за кустов снова раздался вой.

Другая девушка на ее месте сбежала бы, но не Никки. Она присела на корточки, чтобы посветить фонарем ближе и оценить нанесенный кочергой ущерб.

Она внимательно осмотрела заросшее щетиной загорелое лицо, довольно худощавое и жесткое. Вниз по щеке сползала тонкая струйка крови. Прямо над бровью красовалась ранка...

По всей видимости, он был без сознания.

Внезапно он пошевелился, застонал и потянулся пальцами к ушибленной голове. Гейб пришел в себя. И это уже хорошо.

Что делать дальше? Надо сделать глубокий вдох. Времени на истерику нет.

Никки убрала кочергу за спину.

– С вами... С вами все в порядке? – выдавила она.

Хозяин ее квартиры застонал и снова закрыл глаза.

– Нет, – наконец произнес он. – Со мной не все в порядке.

– Я вызову врача, – ее голос прозвучал до смешного пискляво, – позвоню в скорую помощь.

Он опять открыл глаза, потрогал голову, вздрогнул и снова закрыл глаза:

– Не надо.

– Но вам нужна помощь, – попыталась настоять Никки. – Хоть какая-то...

Она потрогала его лицо. Ей определенно нужна была помощь. Кто-то, кто смог бы объяснить, что здесь происходит. Она вытащила из кармана куртки мобильный телефон.

Его глаза медленно приоткрылись, он поймал ее за запястье.

– Чем вы меня стукнули? – Его голос был похож на рычание раненого зверя.

– Э... кочергой.

– Кочергой, – повторил он, словно пытаясь поддержать разговор. – Ну конечно же. А пистолета у вас в кармане куртки, случайно, нет? Кочерга – ваше единственное оружие?

Она шумно выдохнула. Если Гейб пытается шутить с ней в подобных обстоятельствах, возможно, он не так уж сильно пострадал.

– Нет у меня пистолета! И это совсем не смешно, – заключила Никки. – Вы напугали меня до смерти.

– Это вы чуть не убили меня.

– Вы напугали меня, – ее голос звучал все громче, – вы меня схватили.

– Напугал... – Он был явно поражен ее ответом. – А мне кажется... Я бежал по тропе к морю. Между прочим, по моему собственному участку земли! И вдруг из-за кустов появляетесь вы с кочергой в руках!

«Он прав», – мрачно констатировала Никки.

Это она оказалась на его пути без какого-либо предупреждения! И Гейб имел все основания, чтобы схватить ее. И он был хозяином дома, который она снимала. Ударить кого-то – это ужасно, а если этот кто-то – Гейб... Найти достойное жилье в Банксия-Бэй было не так-то легко, и то, что Никки нашла этот дом, стало для нее настоящей удачей. До появления на пляже воющей собаки все было просто прекрасно...

– Просто будьте любезны с хозяином дома и не беспокойте его лишний раз, – посоветовала ей дама из агентства недвижимости. – Он в некотором роде затворник. Просто оставьте Гейба в покое, и вы вполне уживетесь.

Но «оставить в покое» не значит бить его по голове...

– Мне нужен кусок мяса, – прервал он ее хаотичные мысли.

Никки совсем растерялась.

– Кусок мяса? – Она начала прокручивать в голове все, что когда-либо слышала об оказании первой медицинской помощи. – Чтобы прекратить кровотечение? – попыталась она блеснуть интеллектом. – У меня нет мяса, но я могу принести лед.

– Для собаки, глупая! – Он приподнял голову, но снова опустил ее, предпочтя оставаться неподвижно на земле. Его пальцы продолжали обследовать кровоподтек над бровью. – Собаке нужна помощь. В моем холодильнике лежит стейк. Принесите его.

– Я не могу...

– Просто идите и принесите его! – отрезал Гейб и закрыл глаза. – Если у вас хватает смелости разгуливать среди ночи с кочергой в руках, вы должны задумываться о последствиях. Идите за мясом.

– Я не оставлю вас одного, – сказала она жалостливо.

Это заставило его открыть глаза и посмотреть на нее. Очень внимательно.

– Не надо светить мне в лицо, – сказал он, и Никки вдруг поняла: мало того что ударила его, так теперь она пыталась ослепить!

– Извините. – Она повернула фонарь в сторону кустов.

Вдруг опять завyla собака, и Никки подпрыгнула на месте.

– Вам придется преодолеть свой страх, – сказал Гейб. – Потому что собаке нужна помощь. Я не знаю, что с ней случилось. Она стоит на пляже и воет. Вы спускались по тропе с кочергой в руках, а я шел из дома с куском мяса, но выронил его, а в темноте мы его не найдем. Но полагаю, мой метод общения с животными более гуманен. Так что отправляйтесь за другим стейком, пока я полежу здесь некоторое время и... понаблюдаю за звездами. Входная дверь открыта, – добавил он. – Кухня в задней части дома. Мясо лежит в картонной коробке в холодильнике. Разрежьте его на мелкие куски. Я пока полежу и посчитаю звезды в ожидании вашего возвращения.

Никки даже попыталась бежать, освещая тропинку фонарем. Но не получилось. Тропинка была вся пересечена жесткими корнями кустарников и деревьев. Если Гейб умудрился бежать по такой дорожке, должно быть, он знает ее как свои пять пальцев.

Но на ней были туфли, совершенно не подходящие к данному случаю. В балетках от Гуччи далеко не убежишь. Они прекрасно подходили для того, чтобы прогуливаться по ботаническому саду в Сиднее после воскресного утреннего латте. Но тут они только мешали.

Как же Никки хотела бы сейчас оказаться в своей уютной квартире в Сиднее! Вернуться в привычную комфортную жизнь, на свою прекрасную работу, к своим друзьям, снова ходить на вечеринки, собираться в кафе с подружками...

У Джона была совершенно фантастическая квартира. А рядом с ней находился их замечательный офис. У нее была работа, за которую платили невероятно много... У них были общие с Джоном друзья. Встречи в кафе, где все сначала приветствовали Джона, а потом уже замечали ее.

И это была жизнь Джона. Или часть жизни Джона. Никки всегда считала их совместную жизнь идеальной, но, как оказалось, она не знала всей правды.

Что делать, когда в одночасье весь твой мир рушится?

Убегать. И Никки убежала сюда.

«Не смей об этом думать», – повторяла она про себя, словно заклинание. Снова и снова одну и ту же фразу, взбираясь вверх по тропинке. Хватит уже жалеть себя! Она начала новую жизнь.

«Я не могу больше участвовать в опостылевших крысиных бегах. Я смогу общаться с клиентами по Интернету и в случае необходимости приезжать в город. Я уже вижу себя в симпатичном домике на берегу моря. Только я, работа и время, чтобы подумать...»

Ее друзья – точнее, друзья Джона – посчитали Никки сумасшедшей, но они не знали истинных причин ее отъезда. Джон оказался подлецом. Она убежала от подлеца.

Никки подошла к дому, взойшла на крыльцо – общее на два входа в их отдельные части дома. Она никогда еще не заходила на половину хозяина.

Гостиная выглядела старомодно и даже потрепано, но великолепный открытый камин создавал неповторимую атмосферу уюта. Около камина стояло одно кресло. На подлокотнике был оставлен полупустой стакан пива. Никки заметила на полках огромное количество книг. Подобная слегка неряшливая обстановка показалась ей вполне типичной для холостяцкой жизни.

Впрочем, в его холодильнике оказалось больше еды, чем у нее. Мясо, овощи, фрукты, соус – много всего интересного, из чего Никки сделала вывод: ее хозяин любит готовить.

«Надо бы мне тоже научиться, – вдруг подумала она, изучая ассортимент холодильника и бросая взгляд на огромную старую газовую плиту, занимающую центральную часть кухни. – Пора завязывать с неправильным питанием, которое ведет к потере талии».

Наконец Никки нашла мясо. Увесистый кусок, которым можно было накормить целую свору борзых. Она быстро порезала его на мелкие куски, затем подумала и достала пакет с замороженным горошком.

Первая помощь и еда для собаки. Пора идти.

Гейб лежал на спине и смотрел в небо, пытаясь привести в порядок голову. Он получил увесистый удар по лбу, но его злость сразу улетучилась, как только он увидел выражение ее лица. Ей самой нужна была помощь – даже больше, чем ему.

О чем он только думал, сдавая часть дома городской жительнице?

Дороти из агентства недвижимости утверждала, что это вполне серьезная женщина, занимающаяся бизнесом и очень разумная.

– Никкита Моррисси. Тридцать лет. Разрабатывает системы кондиционирования для крупных предприятий. Обычно она проводит три недели дома, одну в отъезде. Чаще всего уезжает за границу. Всегда ищет спокойное уединенное место в приятной местности, где много света и ничто не будет беспокоить ее.

Женщина, работающая в области инженерии? Она должна быть образованной, работающей и обеспеченной.

У Гейба огромный дом. Наверное, ему стоило переехать в город, но он прожил в этом месте всю свою жизнь. В восемь лет он потерял мать, и этот дом был той памятью, которая у него осталась от нее. Мама очень любила сад. Она почти закончила живую изгородь. Иногда Гейб, выходя на крыльцо, мог поклясться, что видит ее фигуру в саду...

«Я всегда буду с тобой...»

Люди постоянно обманывают. Гейб понял это слишком рано. Он не привык ни от кого зависеть. Но здесь... в саду, посаженном его мамой, глядя на залив, который она так любила, он

снова думал об одном: все, что у него осталось, – это ее обещание, в которое все еще отчаянно хотелось верить.

Эмоциональная чепуха? Несомненно. Гейб это прекрасно осознавал, но дом, где он провел детство, представлял собой убежище, в котором он мог укрыться, когда возвращался с моря. У него были деньги на содержание дома. Если бы он мог найти какого-нибудь достойного человека, чтобы сдать часть дома, тогда здание прогрелось бы и в период его отсутствия.

– Я согласен, – ответил он Дороти.

А потом Гейб познакомился с Никкитой – в тот день, когда она переехала в его дом.

Она совсем не была похожа на инженера. Эта женщина выглядела так, словно только что сошла с обложки модного журнала – высокая, стройная, светлокожая, с огромными глазами. Макияж был нанесен очень профессионально. Конечно, Гейб был заядлым холостяком, но вполне мог отличить дорогую косметику от дешевых аналогов. Темные блестящие волосы были модно подстрижены.

Что касается одежды... В день своего приезда она была одета в черную тунику с диагональным разрезом на бедрах. Комплект дополняли висячие серебряные сережки, красные колготки и лаковые черные туфли на низком каблуке.

Сегодня она надела джинсы в обтяжку. Их дополнял мягкий розовый свитер. «Наверное, она его уже порвала», – горько усмехнулся он про себя, подумав про колючий кустарник на берегу.

У него все еще кружилась голова. Гейб упорно пытался прогнать от себя критические мысли о гламурных инженерах по системам кондиционирования, разгуливающих по ночам в зарослях кустарников с кочергой в руках.

Никки появилась внезапно. Практически прибежала – во всяком случае, она тяжело дышала. Ее глаза были все такими же огромными, а изящная прическа стала... мягко говоря, чуть менее изящной. За ухом у нее торчала застрявшая веточка.

– Все нормально? – спросила она, переводя дыхание, словно была готова обнаружить его уже остывшее тело.

– Я в порядке, – пробурчал Гейб в ответ.

Он отказался от протянутой ею руки и попытался встать. И земля поплыла у него из-под ног. Не сильно, но достаточно для того, чтобы он почувствовал необходимость схватить ее за руку.

Никки оказалась сильнее, чем он думал, – подхватила и вторую его руку, помогая ему обрести устойчивость.

– Прошу прощения. – На секунду ему показалось, что его сейчас стошнит.

– Позвольте мне проводить вас до дома.

– Сначала надо помочь собаке, – сказал он.

– Нет. Сначала надо помочь вам.

– Собака стоит в воде и воет. Я не спрашиваю вашего совета. Я сам расставляю приоритеты. – Он сделал попытку освободить свои руки, но она держала крепко.

Он перестал вырываться и позволил ей поддерживать себя.

По двум причинам. Во-первых, у него все еще кружилась голова. Во-вторых, ему это очень нравилось.

От Никкиты исходил терпкий цитрусовый аромат, и этот запах привел его в чувство.

Она ничего не говорила, просто держала его руки в своих. Все это продолжалось две минуты. Или три. Она была неразговорчива. И у нее были нежные руки. Изящные женские руки. И такие мягкие...

Конечно же они должны были показаться ему мягкими. Все женщины, с которыми Гейб встречался последние десять лет, были местными рыбаками, женщинами, которые зарабаты-

вали себе на жизнь тяжелым физическим трудом. И только у одной женщины в его жизни были такие же нежные руки...

Он вспомнил о Лизабетт. Своей жене.

– Я пришел в себя, – наконец сказал Гейб, и тут же тишину нарушил очередной протяжный вой. – Собака.

– Пожалуйста, позвольте мне сперва отвести вас домой.

– Вы умеете управляться с собаками?

– Ну... не совсем.

– Значит, мы пойдем к собаке вместе, – решил он. – Поскольку я еще недостаточно устойчиво стою на ногах, скажу вам, что надо сделать. И вы сделаете это.

Гейб сидел в укрытии и наблюдал, как Никкита приближается к собаке с кусочками мяса в руках. Она делала это медленно и осторожно, давая собаке возможность вначале понюхать мясо. Собака была огромной. С нее стекала вода, мокрая шерсть, облепив туловище, выдавала ее жуткую худобу. Собака была скорее похожа на черного жеребенка.

– Говорите с ней ласково, – предупредил Гейб, – чтобы она поняла – ей ничего не угрожает.

Итак...

– Эй, Коняшка, все в порядке! – сказала она псу. – Выходи из воды и поешь немного мяса.

Гейб велел ей передвигаться мелкими шажками, останавливаясь при малейшем беспокойстве. Надо было убедить пса – она не представляет для него опасности.

– Ну давай, малыш... Эй, Коняшка, все в порядке! Все хорошо. Подойди ко мне и скажи, как тебя зовут на самом деле.

Никкита сняла туфли, но безнадежно вымочила джинсы. Пес продолжал пятиться назад, все еще находясь шагах в десяти от нее. Его длинная грязная шерсть висела клоками.

Если бы в укрытии не сидел Гейб и не наблюдал за тем, как Никкита выполняет его поручение, она бы положила мясо на песок и поспешила удалиться.

Но он ждал результата.

– Ко мне, Коняшка, ко мне. Иди сюда... Неожиданно Никки заметила волну, гораздо выше, чем остальные. Вот она поднялась ввысь, схлестнулась с другой волной и ударила ее прямо в грудь.

Никки закричала – просто не смогла сдержаться.

Собака быстро побежала назад в море.

– Все в порядке! – закричала она, забыв понизить голос.

Пес кинул на нее затравленный взгляд и попятился еще быстрее. Следующая волна сбила его с лап. Он снова поднялся и резво поскакал от Никки, снова напоминая ей лошадь. Вдоль берега, по волнам, все дальше, пока наконец не исчез из вида.

– Все в порядке.

Это было не так, но она не ожидала от Гейба подобных слов. Она подвела его – напугала пса, и тот сбежал. Он выглядел таким несчастным... Бедная Коняшка...

Гейб сидел на траве в том месте, где заканчивался песок и начиналась тропинка, ведущая сквозь густой кустарник.

– Вы сделали все, что было в ваших силах.

– Может, он побежал домой?

– Вам показалось, у него есть дом?

Гейб ловко вытащил из нагрудного кармана куртки мобильный телефон и быстро забегал пальцами по кнопкам. Потом посмотрел на нее, вздохнул и нажал на кнопку громкой связи, чтобы она тоже была в курсе, с кем он разговаривает.

Раздался мужской голос, очень авторитарный:

– Полиция Банксия-Бэй слушает.

– Рафф? – Голос Гейба все еще звучал неуверенно, и было очевидно, что полицейский это уловил.

– Гейб? Что случилось?

– Ничего особенного. Точнее, почти ничего особенного. Бездомная собака.

– Еще одна, – вздохнул полицейский.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Гейб.

– Перевозка приюта для бездомных животных Генриетты была не очень удачной, – объяснил полицейский. – Многие бездомные собаки разбежались. Опиши свою.

– Огромная, черная, очень худая, – сказал Гейб.

Разговаривая по телефону, он одновременно наблюдал за Никки.

Та пыталась вытряхнуть песок, застрявший между пальцами ног, перед тем как надеть туфли. Это получалось не очень хорошо. Песок прилип и к ее мокрой насквозь одежде. Без капли смущения она прислушивалась к разговору.

– Огромная, как датский дог? – допытывался Рафф.

– Пожалуй, да. Но очень тощая, – сказал Гейб. – Скорее всего, это помесь волкодава с парой других пород. Но пес сбежал от меня, его уже здесь нет. Мы попытались приманить его куском мяса, но он предпочел умчаться по пляжу в сторону города.

– Мы? – удивился Рафф.

– Да, – сухо заметил Гейб. – Мне очень помогла девушка, которой я сдаю часть дома.

– Завтра утром я постараюсь найти псину, – сказал Рафф. – У тебя все нормально? Ты как-то странно разговариваешь.

– Все под контролем, я справлюсь. Если вдруг пес вернется, советуешь отвезти пса в приют?

– Или так, или можешь сразу отправить его в ветеринарную клинику, – ответил Рафф. – Если это тот пес, о котором я думаю, то несколько дней назад его выбросили с лодки. Он уже довольно взрослый. Удивительно огромный и очень тощий. На его шкуре видны следы от побоев. Очевидно, о нем давно никто не заботился, много били и издевались над ним. Никто не возьмет к себе в дом подобное животное, поэтому Генриетта приняла решение усыпить пса. Но если он не вернется к тебе на пляж, не переживай, приятель. Спасибо, что сообщил мне о происшествии. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Гейб отправил телефон обратно в карман.

Никки продолжала сражаться с песком.

Ужасно голодный пес, которого били и унижали! Выброшенный с лодки... А у нее не получилось даже дать ему поесть...

– Положите кусок мяса в том месте, где оставила след самая высокая волна, – велел Гейб и добавил: – Вы ни в чем не виноваты.

– Спасибо за поддержку.

– Конечно, вы чуть не пробили мне голову, – продолжил он, и на лице его появилось некоторое подобие улыбки. – Но для пса мы сделали все, что было в наших силах. Он сбежал, но, если ему удалось учуять запах мяса, он обязательно вернется. Пойдемте, мне нужно принять таблетку аспирина.

Она окинула взглядом береговую линию в надежде увидеть, как пес возвращается назад.

– Рафф, он местный шериф, найдет его, – сказал Гейб.

– Но сегодня пса искать не будут?

– Сегодня уже очень поздно для поисков. К тому же пляж при сильных волнах фактически недоступен. Пес найдется завтра.

– Вы тоже будете его искать?

– Я уплываю на рассвете, – сказал Гейб. – Мне надо ловить рыбу, а вы можете заниматься поисками. Если хотите провести здесь ночь, пожалуйста! А мне пора в постель.

Она поднималась за ним по тропе, чувствуя отчаяние. Но Гейб, очевидно, чувствовал себя еще хуже, чем она. Один раз он покачнулся, и она автоматически протянула ему руку. Он остановился на мгновение, посмотрел на нее, но отрицательно покачал головой.

– Я сильно вас ударила, – пробормотала Никки.

– Женщины стали совсем другие, – кивнул он. – Куда делись очаровательные легкие пощечины, к которым они прибегали раньше? Я видел такое в кино.

– В следующий раз учту ваше пожелание.

– Следующего раза не будет! – сказал Гейб, а она задумалась: не означает ли это, что он попросит ее завтра съехать? – Я не собираюсь вас выгонять, – добавил он тихо, заставив ее покраснеть.

Он ни разу не остановился по пути к дому. В окнах горел свет. Он остановился около крыльца, пропуская Никки вперед. И перед тем, как направиться в свою часть дома, она в нерешительности помедлила. При свете фонаря, висевшего над крыльцом, Гейб выглядел очень больным. Загорелая кожа была бледная, а из ранки спускалась тонкая струйка крови...

Он снова немного пошатнулся. Никки инстинктивно подалась вперед, чтобы поддержать его, но он схватился за перила крыльца. И устоял.

– Вы могли бы вызвать полицию, чтобы меня арестовали. Я снова прошу прощения...

– Но вы ведь не собирались бить пса. – Он произнес это утвердительным тоном.

– Нет...

– Поэтому я не собираюсь отдавать вас под стражу. Вы не желали зла.

– Но вам нужно показаться врачу.

– Мне нужно пойти поспать.

– Нужно проверить ваши зрачки. Если один из них больше другого или один не двигается... Я не знаю, что делать в таком случае, но надо проверить. Пожалуйста, позвольте мне отвезти вас в больницу!

– Нет! – резко отсек он тоном, не терпящим возражений.

– Но почему нет?

– Всю свою жизнь я провел на лодках. Побывал в переделках и похуже. Все будет в порядке.

– Вас должны осмотреть!

– Хотите проверить мои зрачки?

– Я ничего в этом не понимаю... Но если вы сейчас отправитесь в постель, это может быть опасно. Пожалуйста...

Гейб стоял слишком близко к ней. Он был таким огромным, и от него пахло морем. А еще пахло бензином, рыбой, солью и другими невероятно мужественными ароматами.

Единственным близким Никки мужчиной все последние годы оставался Джон. Джон, который носил элегантные деловые костюмы от известных дизайнеров и пах дорогим парфюмом.

Гейба невозможно было сравнивать с Джоном. Он был другого поля ягода. Наверное, все мужчины похожи по сути, но Гейб привлекал ее своей первобытной мужественностью.

– Нужно проверять, как вы себя чувствуете, каждые два часа, – нерешительно произнесла она.

– Со мной все в порядке. – Он начал раздражаться. – Через восемь часов я буду уже в море. А сейчас мне пора спать. Спокойной ночи.

– Прошу вас, позвольте мне хотя бы проверить...

– Проверять что?...

– Проверять вас. Всю ночь.

Он замер. Они стояли слишком близко друг к другу...

Беззащитность? Это какое-то безумие, но именно так она ощущала себя рядом с ним. У него было жесткое лицо с обветренной кожей. По всей видимости, ему не больше тридцати лет. Но он выглядел так, словно прожил трудную длинную жизнь.

– Я должна проверять, как вы себя чувствуете, каждые два часа, – пролепетала Никки. – Я буду заходить к вам и проверять, не потеряли ли вы сознание.

– Я буду в сознании, но буду спать.

– В таком случае мне придется будить вас, чтобы вы сказали мне свое имя и сегодняшнее число, и лишь затем я позволю вам опять заснуть. – Она глубоко вздохнула. – Или вы позволяете мне приходить к вам каждые два часа, или я звоню в полицию вашему другу и объясняю, что я вас сильно ранила. Я даже не сомневаюсь: через несколько минут он принесется сюда на машине с включенной сиреной.

– Оставьте меня в покое! – взорвался наконец Гейб.

Она отскочила назад настолько, насколько это позволил ей сделать небольшой размер крыльца.

– Прошу прощения, – сказал он, проводя рукой по своим густым темным волосам.

Она встретила с ним взглядом и приподняла подбородок. Он не сможет заставить ее поменять решение!

– Хорошо, – Гейб вскинул руки, признавая поражение, – делайте, как хотите. Завтра вы сможете отоспаться, а у меня такой возможности нет. Я иду спать. Если вы будете светить мне в глаза каждые два часа, будьте готовы услышать все, что я думаю по поводу подобной пытки и по поводу вас лично.

– Я справлюсь с этим, – сказала она дружелюбно. – Лишь бы вы были живы.

Гейб спал на огромной кровати на животе, широко раскинув руки. Одеяло прикрывало его всего лишь до талии, спина была обнажена.

Никки воспользовалась фонарем. Конечно, ей следовало сфокусироваться на его раненой голове, разбудить Гейба, убедиться, что он находится в сознании, и исчезнуть. Но вместо этого Никки решила воспользоваться случаем, чтобы рассмотреть его тело.

Браво! Даже дважды браво!

Его плечи были раза в два шире плеч Джона, и в них она не обнаружила и следа жира. Только мускулы. Жизнь рыбака, вытаскивающего из воды сети с рыбой и раками, тяжелый физический труд сделали его тело...

Просто идеальным!

Не так уж часто Никки позволяла себе внимательно разглядывать парней и оценивать их физическую привлекательность, но сейчас она ничего не могла с собой поделать. Мощное тело, знакомое с непогодой, с жизнью на море...

На плече она заметила белый тонкий шрам. Ей внезапно захотелось прикоснуться к нему...

– Я жив! – вдруг резко сказал он. – Меня зовут Габриэль Карвер, сегодня вторник, четырнадцатое число. Уходите.

– А... ваша голова не болит?

– Не болит. Уходите.

Она ушла.

По крайней мере, он не умер!

Следующие два часа Никки опять провела без сна. Вскоре подошло время новой проверки.

Гейб развернулся на спину. На этот раз он спал очень крепко, но при этом выглядел... очень усталым. Кровоподтек на его голове смотрелся еще более ужасно, чем вчера.

На этот раз она не могла разглядеть шрама на плече. Все, что она могла изучить, – это его лицо, на котором заметила выражение усталости... или боли?

Что-то перевернулось внутри нее. Сильный мужчина-гигант. Он тоже был немного уязвим?

Было два часа ночи. Никки увидела время на будильнике, стоящем возле кровати. Будильник был заведен на четыре утра. На мгновение Никки засомневалась. Но потом отключила сигнал и положила будильник себе в карман. Еще на столике лежал мобильный телефон. Почему бы не пойти до конца? Его она тоже отправила в карман вслед за будильником.

Наконец она прикоснулась к его лицу.

Он открыл глаза. Было заметно – ему трудно сосредоточиться, но наконец Гейбу это удалось. Он смотрел на нее взглядом человека, которого только что пробудили от глубокого сна.

– Я жив.

– Скажите что-нибудь еще.

– Я собираюсь убрать каминные щипцы и кочергу из вашей части дома.

– Теперь вы меня убедили, – кивнула Никки и позволила ему снова заснуть.

В четыре часа она опять была у него. И снова получила слегка невнятный, но сознательный ответ.

Отлично! Никки решила – еще одной проверки будет достаточно. И больше она не будет пробираться в спальню своего полуобнаженного арендодателя.

В пять тридцать ожил мобильный телефон Гейба. Она была в своей комнате, а телефон Гейба лежал около ее кровати. Она ответила.

В трубке раздался женский голос:

– Гейб, ты где?

– Привет, – начала она осторожно. – Это Никки, соседка Гейба по дому.

– Городская штучка, – мрачно констатировала женщина.

– Да, это я.

– А где Гейб?

– Прошу прощения, но прошлой ночью с Гейбом случилась небольшая неприятность. Он не выйдет сегодня на работу.

– А что с ним произошло?

– Он... упал. И почти потерял сознание от удара. У него сильно болит голова и разбито лицо.

– Гейб приходит на работу даже чуть живой. – Женщина была явно удивлена услышанным. – Ему настолько плохо?

– Он был решительно настроен выйти на работу, но я отобрала у него будильник и телефон, поэтому его ничто и никто не разбудит.

В трубке повисло молчание.

– Ну, удачи вам, дорогая, – наконец сказала женщина. – Если он лежит в постели, не выпускайте его оттуда. А когда проснется, скажите, что звонила Хэтти. Сегодня мы бы вышли с Гейбом в море вдвоем. На «Мариетте» не хватает одного члена команды, поэтому я поплыву на «Мариетте», а «Леди Нэлл» останется в порту. Это вам на руку. У него не останется ни одного члена команды. Благословляю вас удерживать его в постели так долго, как вам этого захочется. Вперед, детка! – И она повесила трубку, заливаясь смехом.

Никки продолжала держать в руках телефон.

Городок, практически деревня, был совсем маленький. Через несколько минут сплетня облетит всю округу. Что скажет Гейб? Точнее... что он с ней сделает?

Что сделано, то сделано. У нее все еще есть час перед последней проверкой.

Она опустила голову на подушку и закрыла глаза.

Будильник Никки завести забыла.

Когда Гейб проснулся, солнечный свет наполнял его спальню.

Он приоткрыл один глаз и попытался сосредоточиться. Голова немного болела, но это уже была всего лишь ноющая боль. Когда он не двигался и лежал с одним приоткрытым глазом, то не чувствовал боли вообще.

В окно ярко светило солнце.

Гейб моментально проснулся. Он повернулся к прикроватному столику в тщетных поисках будильника и не поверил своим глазам.

Будильника не было!

Он попытался обнаружить телефон.

Телефона тоже не было!

Он посмотрел на часы.

Восемь утра. Восемь! Он проспал десять часов.

Лодка. Команда. Они его ждут...

Никкита!

Сначала она стукнула его по голове, а потом заставила пропустить день в море. С него предостаточно!

Откинув одеяло, он направился к двери, предварительно громко постучав по стене, чтобы разбудить свою соседку.

Гейб был в бешенстве. Эти женщины!

Грохот, от которого затряслась стена спальни, мог бы поднять мертвого. Никки немедленно вскочила с кровати. И уставилась на часы.

Ой-ой-ой-ой-ой!

Восемь утра. Вероятно, она уснула. И пропустила последнюю проверку.

По крайней мере, он не умер. И должен был быть ей за это благодарен. Но грохот, который все еще стоял у нее в ушах, говорил – благодарности он не испытывал. Судя по грохоту, Гейб хочет ее видеть. И немедленно!

Никки натянула халат и направилась к двери, готовая к встрече с Гейбом.

Их двери открылись одновременно.

Поперек крыльца лежал пес. Ночная собака Баскервилей.

Ее Коняшка...

Глава 3

Никки и Гейб буквально врезались в пса и посмотрели друг на друга. Лицо Гейба потемнело от злости, а Никки побледнела от испуга. На Гейбе были только трусы-боксеры, но положение это не спасало. Они не посмотрели под ноги, туда, где, словно мокрый коврик, лежал пес.

Теперь он был еще крупнее, чем показался Никки ночью, и занимал почти все небольшое крыльцо. Собака лежала неподвижно, и только равномерное движение ее груди указывало на то, что она все еще дышит.

– Это Коняшка! – восторженно произнесла Никки.

Огромный пес приподнял большую голову от пола, словно совершая над собой неимоверное усилие. Он уставился на нее, и в этом взгляде она увидела такую печаль, словно пес познал все горести этого мира.

Никки ничего не знала о собаках. Если бы ее спросили об этом прямо, пожалуй, она бы призналась, что не очень любит их. Но этот взгляд...

Он перевернул ее сердце. Она забыла о своем соседе и опустилась на колени:

– О, мой... Привет, Коняшка!

– Что за игры вы тут затеяли? – Голос хозяина дома словно хлестнул ее кнутом. – Вы притащили его сюда...

Но Никки не слушала. С пса ручьями стекала вода. Надо что-то делать. Она должна помочь ему. На этот раз она не сможет просто уйти от проблемы. Это не ее проблема? Похоже, все же ее...

– Я не притаскивала его. Скорее всего, он нашел кусок мяса и пошел по нашему запаху. Дошел до крыльца и улегся здесь. Думаете, он хочет еще поесть?

– Он провел здесь всю ночь?

– Вы с ума сошли? Посмотрите на него. С него течет вода. Почему он не двигается? Его нужно показать ветеринару. Вы можете мне донести его до машины?

– Фред усыпит его.

– Ветеринар...

Это слово сразу оживило в ее памяти события прошлой ночи. Она вспомнила подслушанный телефонный разговор. Уже принято решение усыпить эту собаку. Если они отвезут его к ветеринару, приговор будет приведен в исполнение.

– Нет! – выкрикнула Никки.

– Вы собирались заводить собаку?

– Я... – Никки сглотнула.

Собиралась ли она заводить собаку? Нет, не собиралась. Даже не думала об этом. Но сейчас речь шла о другом.

– Я подумаю об этом потом. В любом случае его нельзя куда-то везти, пока он не обсохнет, не согреется и не утолит голод. Вы можете занести его ко мне?

Она посмотрела на Гейба и поняла – ее хозяин очень зол. Видимо, им предстояло еще обсудить немало неприятных моментов перед тем, как он согласится помочь ей.

Его тело снова заворожило ее. Его грудь, его плечи...

Очередной всплеск гормонов!

– Я проспал, – сказал он, стараясь соблюдать безразличие в голосе. – Не услышал звук будильника. Возможно, из-за того, что кто-то унес его с моего прикроватного столика?

– Я тоже проспала, – призналась Никки. – Поэтому не вернула его на место.

– Моя команда...

«Пора действовать, – решила она. – Вперед!»

– Хэтти сейчас на... дайте вспомнить... «Мариетте», – сообщила она. – Потому что один из членов их команды заболел и не смог выйти на работу сегодня утром. «Леди Нэлл» осталась в порту. У вас сегодня выходной.

Он ничего не ответил. Видимо, у него не было слов.

– Вы утащили мой будильник!

– Вы плохо себя чувствовали. Я думала, что убила вас...

– Вы забрали и мой телефон!

– Да, и я ответила на звонок Хэтти. Она согласилась со мной – выходной вам не помешает.

– Ее это не касается! И вас это тоже не касается.

– Согласна. Но это не должно касаться и собаки, которая сейчас замерзнет окончательно. Идите сюда и помогите мне.

Их взгляды схлестнулись. Никки ощутила его ярость, его замешательство, его удивление. Но сейчас она не могла себе позволить анализировать чьи-то чувства. Она должна была думать о собаке.

Гейб наклонился и дотронулся до собачьей морды. Собака вновь попыталась приподнять морду, но ей это не удалось.

Все внимание Гейба теперь было сосредоточено на собаке. Пес посмотрел на него и застонал, и в лице Гейба что-то изменилось.

– Хорошо, – сказал он. – Если у вас серьезные намерения, давайте затащим его ко мне. В камине горит огонь. Это вы поддерживали его?

– Да, я сделала это для вас.

Или не совсем для него. Каждый раз, приходя с проверкой, Никки подкидывала по паре поленьев в огонь. Ей казалось, это создает некоторый уют.

– Ты можешь встать, большой мальчик? – спросил Гейб. – Давай, дружище, посмотрим, как ты двигаешься.

Гейб поглаживал пса за ушами и разговаривал с ним очень тихо и мягко. И пес отозвался. Он посмотрел на Гейба своим душераздирающим взглядом, снова застонал и тяжело вздохнул. А затем встал.

Теперь пес больше походил на мешок с костями, обтянутый рваной шерстяной тряпкой. Казалось, от прежнего красавца пса, которым он, несомненно, когда-то являлся, остались только уши, на которых шерсть сохранилась в приличном состоянии.

Его качнуло, но Гейб помог ему удержаться на лапах, все еще продолжая поглаживать его за ушами.

– Ты решил прийти сюда и обратиться за помощью? – мягко спросил он. – Отличное решение. Здесь ты будешь в безопасности. Похоже, ты даже обрел нового друга. Только хочу тебя предупредить – надо опасаться кочерги.

При этих словах Гейб даже не взглянул на нее, чтобы проверить, какую реакцию вызвало едкое замечание. Все его внимание было приковано к собаке.

– Давай мы поможем тебе согреться. Мисс Моррисси, принесите, пожалуйста, парочку полотенец. Точнее, кучу полотенец. Положите некоторые из них в сушилку, чтобы они согрелись.

– Зовите меня Никки, – сказала она.

– Никки, – послушно повторил Гейб, но так и не поднял на нее глаза.

Пес осторожно шагнул вперед и остановился. Дальше идти он не мог. Гейб поднял его на руки, словно пес был совсем невесомый, не встретив никакого сопротивления со стороны животного. Возможно, тот уже понял, что скоро окажется в тепле.

Никки отправилась за полотенцами. Из ее головы не выходил образ Гейба, обнимающего собаку.

Коняшка дрожал от холода. Ночью дождя не было, но с животного ручьями стекала вода. Он что, простоял в морских волнах всю ночь?

Никки принесла с собой фен. Гейб губкой убрал остатки застывшей соли с шерсти пса, затем начал растирать его полотенцем, в то время как она пыталась высушить шерсть с помощью фена. Огромный пес лежал без движения. Он был таким жалким и несчастным, что Никки почувствовала острую необходимость обнять его.

Она готова была убить тех, кто так ужасно поступил с ним. Как можно быть таким жестоким?

– Ваш друг-полицейский сказал, что пса выбросили с лодки.

– И он все еще предан негодяям, которые так поступили с ним, – мрачно ответил Гейб. – Он не уходил с пляжа и выл.

Никки всхлипнула. И даже не один раз, пока орудовала феном.

Ей пришлось ненадолго прерваться, чтобы сходить за новой партией полотенец. Она положила новую стопку теплых полотенец около камина перед Гейбом. Феном и полотенцами они уже высушили один бок собаки. Гейб приподнял пса, Никки заменила мокрые полотенца на сухие, и они занялись другим собачьим боком.

Гейб не переставал говорить с ним. Медленно, нежно, утешая.

Слова Гейба ласкали ее слух. Она могла физически ощущать их тепло. Гейб так нежно ласкал его шерсть... говорил такие милые слова...

Он был угрюмым суровым рыбаком, но он умел заботиться о собаках. Он был холоден и не приветлив с ней в день их знакомства. Куда теперь делась его отчужденность?

Никки попыталась представить себе, как Джонатан делает то, чем сейчас занят Гейб, но у нее ничего не получилось.

Гейб снова оказался на опасном к ней расстоянии.

Нет! Это все глупости, глупости и еще раз глупости!

Надо думать о собаке.

Ее огромное тело продолжало дрожать, словно по нему пробегали волны холода и отчаяния. По мере того как пес начал согреваться, дрожь уменьшалась.

Гейб одновременно вытирал его полотенцем, похлопывал и гладил:

– Все в порядке, дружище. Мы отопреем тебя и снаружи и внутри.

– Думаете, ему удалось найти тот кусок мяса?

– Думаю, нет, – покачал головой Гейб. – Еда бы немного согрела его, и он не выглядел бы так безнадежно. На пляже полно разных хищников: сов, крыс, старых бездомных котов. Мясо съели. Думаю, поэтому пес здесь. Он вернулся на мыс в поисках мяса, а затем пошел по нашему запаху. Ему больше некуда было идти.

– Бедный Коняшка...

– Коняшка? – спросил он.

– Я думала о нем всю ночь, – призналась Никки. – Когда не думала о том, что нечаянно убила вас. Собака, похожая на лошадь... И хозяин моей квартиры, который может умереть...

– Кругом счастливый конец, – неприятливо отозвался Гейб, и она испуганно посмотрела на него.

– А у вас есть еще мясо? – Ей с трудом удалось совладать с голосом. Сердце бешено стучало.

– Нет. А у вас?

– У меня есть мясо цыпленка. Низкокалорийное.

– Можно подумать, Коняшке сейчас есть дело до диеты.

– Я принесу, – кивнула Никки.

Они снова были в одной комнате. Гейб натянул футболку и джинсы, так же как и она, но их внимание все еще было приковано к собаке. Пес был настолько истощен, что попытка накормить его закончилась неудачей – собаку стошнило.

– Все из-за морской воды, – мрачно заметил Гейб, вытирая пса. – В округе практически нет пресной воды. Скорее всего, он ничего не пил в течение недели.

Гейб попытался убедить собаку выпить воды – маленькими глотками. Он нашел большой шприц и начал постепенно вводить в рот животного воду мелкими порциями. Как только они убедились, что пес может глотать, Никки разрезала цыпленка на мелкие кусочки и начала класть их в распахнутый рот Коняшки. К их громадному облегчению, пес наконец начал проглатывать пищу.

Очень медленно.

– Если мы поторопимся, его опять стошнит, и все наши предыдущие усилия потеряют смысл, – сказал Гейб.

Он говорил так, словно твердо знал, как надо поступать в подобной ситуации. Откуда у него в доме шприц? Он уже имел дело с больными животными?

Гейб казался ей все более загадочным. Грубый и мрачный. Профессиональный рыбак. Сначала он был молчаливым и злым, теперь стал нежным и заботливым. Его руки, гладившие собаку, стали удивительно ласковыми. Грубые обветренные руки рыбака почесывали пса за ушами, держали шприц с водой. Гейб терпеливо ждал, когда наконец Коняшка откроет рот.

Коняшка...

Зачем она дала имя бродячей собаке? Зачем смотрит на руки своего арендодателя и думает, что...

Никки не находила объяснений.

Она должна была уйти прямо сейчас. Спрятаться в своей части дома и заниматься проектированием системы вентиляции для огромного городского торгового центра, который попал в скандальную историю из-за вспышки пневмонии. Система кондиционирования нуждалась в обновлении, и руководство ожидало, что мисс Моррисси закончит работу в кратчайшие сроки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.